

ВАДИМ БОЧКОВ

ТЕ, КОМУ БОЛЬШЕ
НЕ НУЖЕН

ПРОРОК

Вадим Бочков

Те, кому больше не нужен Пророк

«Автор»

2026

Бочков В.

Те, кому больше не нужен Пророк / В. Бочков — «Автор», 2026

Они получили всё, о чём мечтали. Дом. Еду. Тепло. Безопасность. Порядок. И человека, который знает ответы на все вопросы. В Эдеме нет преступности, нищеты и страха перед будущим. Здесь принято быть благодарным. Здесь каждый знает своё место. Здесь людям больше не нужно выбирать — за них уже выбрали. Но однажды в город приезжает Гром. Он не собирается становиться героем. Не хочет власти и не собирается спасать тех, кто не просил о спасении. Однако несколько вопросов, случайно заданных обычными людьми, начинают разрушать идеальный фасад. Что, если рай построен на несвободе? Что, если благодарность превратилась в подчинение? И что произойдёт с людьми, когда тот, кто всю жизнь говорил им, как жить, исчезнет? Грому предстоит не просто разрушить систему. Гораздо труднее — научить людей жить без того, кто принимал решения за них. Потому что свободу можно подарить. Но научиться не отдавать её снова — человек должен сам.

© Бочков В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. НОВЫЙ ЭДЕМ	7
ГЛАВА 2. ТЕНЬ ЗА ФАСАДОМ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вадим Бочков

Те, кому больше не нужен Пророк

ПРОЛОГ

За тридцать лет до событий, о которых пойдёт речь, «Путь Света» представлял собой три десятка покосившихся вагончиков, врытых в глинистый склон на краю безымянного леса.

Люди, жившие там, называли себя Общиной.

Государство называло их по-разному: сектантами, уклонистами, иногда просто маргиналами. Они не платили налогов, не имели документов, не водили детей в школы. Рождались, молились, болели и умирали — всё на одном грязном клочке земли, который их старейшина Иларию объявил Святым Уделом.

Никто в стране не обратил бы на них особого внимания, если бы не дождь.

Дождь шёл три недели подряд.

Глина поползла вниз по склону. Три вагончика сорвало потоком и унесло в овраг вместе с людьми.

Спасатели, добравшиеся до Общины по размокшим и разбитым дорогам, увидели картину, от которой даже у выдавших многое мужчин перехватывало горло: детей с раздутыми от голода животами, стариков на мокрых тюфяках, женщин, рожавших в антисанитарных условиях, и молитвенный дом — фанерную коробку с протекающей крышей. Под потолком, с которого капала ржавая вода, висел портрет Илария.

Под портретом было написано:

«Отец Света».

Репортаж показали по федеральному каналу.

На следующий день в студию позвонил человек.

Представился просто:

— Предприниматель.

Он сказал, что хочет помочь.

Журналисты сразу засуетились, когда выяснилось, откуда поступил звонок. Из приёмной Александра Воронцова.

Того самого.

Владельца «Воронцов-Групп» — строительного, энергетического и телекоммуникационного гиганта. Человека, чьё состояние оценивалось в шестьдесят миллиардов долларов.

Никто тогда не понял, зачем миллиардеру понадобилась кучка религиозных фанатиков, живущих в грязных вагончиках посреди леса.

Сам Воронцов объяснил это коротко, в своём стиле:

— Я увидел людей. Им нужен дом. Я могу построить дом. В чём вопрос?

Вопросов не задавали.

В конце концов, это был Александр Воронцов.

Через неделю его вертолёт приземлился на расчищенной площадке возле Общины.

Миллиардер вышел без охраны — высокий, сухощавый, в простой серой куртке. Совершенно не похожий на человека, способного купить половину региона.

Он провёл в Общине ровно один день.

Восемь часов говорил с Иларию.

О чём — никто не знал.

Но наутро старейшина вышел к пастве с сияющими глазами и объявил:

— Господь послал нам Пророка из мира людей. Он построит Новый Эдем.

Через год вокруг старого вагончика, в котором состоялась та встреча, стоял город.
Не лагерь и не посёлок, а настоящий город.

С широкими улицами, геотермальным отоплением, солнечной электростанцией, способной питать сорок тысяч домов, больницей с оборудованием последнего поколения, школой с бассейном и тремя очистными станциями, каждая из которых стоила как небольшой нефтеперерабатывающий завод.

Воронцов вложил в проект четыре миллиарда долларов.

Он называл это «социальным экспериментом».

Журналистам говорил о «новой модели устойчивого сообщества».

В частных разговорах с партнёрами лишь пожимал плечами:

— Деньги должны работать. Здесь они работают на людей.

Община «Путь Света» переехала в новые дома в течение месяца.

Три тысячи человек, многие из которых никогда не держали в руках смартфона, получили квартиры с центральным кондиционированием, горячей водой и видом на рукотворное озеро.

Они плакали.

Молились.

Падали на колени прямо на новые тротуары.

Для них это действительно было чудом.

И, возможно, именно поэтому никто не заметил, как вместе с новыми домами в их жизнь вошёл новый хозяин.

Илариум умер через два года — тихо, во сне, в собственной спальне с балконом.

Перед смертью он оставил завещание, написанное от руки на листе простой бумаги:

«Пророк завершит начатое. Слушайте его как меня. Больше ничего вам не нужно».

С этого момента Александр Воронцов перестал быть благодетелем.

Он стал Пророком.

С большой буквы.

Двадцать восемь лет спустя город называли Эдемом.

В официальных документах он значился как «Автономное поселение Новый Эдем», имел особый экономический статус и собственные законы, утверждённые областной администрацией в обмен на налоговые поступления, которые Воронцов обеспечивал через подставные фонды.

Население выросло до двенадцати тысяч человек.

Въезд осуществлялся по пропускам.

Выезд — по специальному разрешению Совета.

Средства массовой информации допускались только по аккредитации и после собеседования с личной пресс-службой Пророка.

Эдем был чистым, безопасным и сытым.

Здесь не было преступности.

Не было нищих.

Не было безработных.

Дети учились в лучших школах. Больница считалась одной из самых современных в регионе. В домах всегда было тепло, на улицах — порядок, а на столах — еда.

Жители были счастливы.

По крайней мере, именно это им говорили.

И, возможно, самое страшное заключалось в том, что многие действительно в это верили.

ГЛАВА 1. НОВЫЙ ЭДЕМ

Будильник сработал в шесть утра.

Не звонок. Не электронный писк телефона.

Мягкий женский голос раздался из динамика, встроенного в стену каждой спальни:

— Доброе утро, возлюбленные дети Пророка. Сегодня двадцать третье апреля. В Эдеме ясно. Температура воздуха — плюс семнадцать градусов. Через пятнадцать минут начнётся утреннее Обращение. Благословен будь Пророк, даровавший нам этот день.

Анна Ларина открыла глаза.

Несколько секунд она просто смотрела в потолок.

Тридцать четыре года назад она родилась здесь — в старом сектантском вагончике, на куче тряпья, которую заменяла постель. Её принимала бабка-повитуха, не имевшая никакого медицинского образования.

Анна помнила холод.

Голод.

Запах сырой земли.

А ещё — вертолёт.

Ей было четыре, когда она впервые увидела его над лагерем. Чёрная точка в сером небе, из которой через несколько минут вышел высокий человек в простой серой куртке.

Александр Воронцов.

Сейчас Анне было тридцать четыре. Она лежала в тёплой постели в собственном доме площадью сто двадцать квадратных метров. За панорамным окном начиналась Центральная аллея.

Из стены снова звучал голос.

Голос Пророка.

— Вставай, — сказала Анна мужу.

Михаил Ларин перевернулся на другой бок.

Ему было тридцать семь. Он работал старшим инженером-эксплуатационником на третьей солнечной станции.

До Эдема у него была другая жизнь.

Областной центр. Технический университет. Квартира, которую он едва успел выплатить. Жена-библиотекарь, умершая от рака лёгких, когда на нормальное лечение уже не было денег.

Когда вербовщики Воронцова приехали в его город и объявили набор специалистов для нового автономного проекта, Михаил продал квартиру, рассчитался с долгами и приехал.

Он не верил в Бога.

Не верил в избранность Илария.

Не верил в святость Воронцова.

Он верил в работу.

В жильё.

В медицинскую страховку.

Этого оказалось достаточно.

Через год он женился на Анне.

Потом родилась Ева.

Потом Марк.

Потом Лия.

— Вставай, — повторила Анна и откинула одеяло. — Через пятнадцать минут Обращение. Дети должны быть одеты.

Михаил открыл глаза.

— Я слышал.

— Тогда почему лежишь?

— Думаю.

— О чём?

Он помолчал.

— О том, что диктор раньше говорила «дети Эдема».

Анна посмотрела на него.

— И что?

— Теперь она говорит «возлюбленные дети Пророка».

— Это одно и то же.

— Нет.

Анна замерла у двери.

— Миша...

— Я просто заметил.

— Твои «просто заметил» длятся уже пять лет.

Она говорила тихо, но в голосе появилась привычная тревога.

— У нас трое детей. Дом. Работа. Еда. Больница. Школа. У нас всё есть. Что тебе ещё нужно?

Михаил сел на кровати.

Посмотрел на жену.

У неё были карие глаза и тонкие пальцы, которые она всякий раз сжимала в кулаки, когда он начинал говорить о том, о чём в Эдеме предпочитали молчать.

— Мне нужно, чтобы наши дети знали, кому они обязаны своей жизнью, — сказал он.

— И я хочу, чтобы этим человеком был я. Их отец. А не Пророк.

— Тише.

Анна мгновенно посмотрела на стену.

На динамик.

Он молчал.

Официально микрофонов в домах не было.

По крайней мере, так говорилось в уставе.

Но три года назад Абрам Самуилович — бригадир Михаила — однажды сказал ему за кружкой пива:

«Ты думай что хочешь. Но вслух при детях — никогда. Понял? Никогда».

Михаил тогда рассмеялся.

Абрам не улыбнулся.

— Я серьёзно, Миша. Ты парень умный. Но умных здесь не любят.

— А кого любят?

— Благодарных.

Он сделал паузу.

— Будь благодарным. И молчи.

Михаил этот разговор запомнил.

Но принять его не смог.

Ева Ларина знала «Десять заповедей Благодарности» наизусть.

В школе их учили на уроках Основ Света.

Первая:

«Дом твой подарен Пророком, и нет у тебя иного права на него, кроме благодарности».

Вторая:

«Труд твой освящён Пророком, ибо он дал тебе инструменты труда».

Третья:

«Дети твои принадлежат Эдему, ибо Эдем растит их в Свете».

И ещё семь.

Десять золотых строк были выбиты на стеле перед зданием Совета — десятиэтажным кубом из чёрного стекла.

Еве нравились эти слова.

Они звучали красиво.

Почти как стихи.

Особенно ей нравилось утреннее построение, когда дети поднимали правую руку и проносили клятву перед огромной статуей Пророка.

Двадцать четыре метра бронзы.

Воронцов был изображён в полный рост — в той самой серой куртке, в которой когда-то прилетел к Общине.

Правая рука протянута вперёд.

Жест благословения и приказа одновременно.

Левая прижата к сердцу.

На постаменте было написано:

«ОН ПРИШЁЛ — И НАСТУПИЛ СВЕТ».

Еве иногда казалось, что статуя смотрит прямо на неё.

Из первого ряда.

Из пятого.

Из любого места.

Она находила её глазами.

Когда Еве было восемь, это ей нравилось.

Она чувствовала себя особенной.

Замеченной.

Избранной.

— Пророк видит каждого, — говорила наставница Раиса Павловна. — Его взгляд проникает сквозь время и материю. Нет такого сердца в Эдеме, которое было бы скрыто от его Света.

— Даже если он далеко? — спросила однажды Ева.

— Пророк всегда рядом.

— Он сейчас во дворце?

Раиса Павловна улыбнулась.

— Он сейчас везде, дитя. Потому что Эдем — это Пророк, а Пророк — это Эдем.

В восемь лет ответ казался Еве достаточным.

В двенадцать — уже нет.

Вопросы никуда не исчезли.

Она просто перестала задавать их вслух.

Утреннее Обращение начиналось ровно в шесть пятнадцать.

Динамики включались одновременно — в домах, квартирах, цехах, на улицах.

Система была устроена так, чтобы человек не мог не услышать голос Пророка.

Динамик был даже в душе.

Даже в подвале.

На улицах работали ретрансляторы.

Михаил стоял в гостиной рядом с Анной.

Перед ними — трое детей.

Ева держала за руки Марка и Лию.

Все стояли неподвижно.

Глаза закрыты.

Головы опущены.

Так требовал Совет.

Правило появилось четыре года назад, после того как один подросток рассмеялся во время Обращения.

Его отправили на общественные работы.

Семью лишили месячного пайка.

Больше никто не смеялся.

Динамик ожил.

Сначала лёгкий треск.

Потом голос.

Глубокий. Спокойный. Почти ласковый.

Голос Александра Воронцова.

— Дети мои.

Михаил едва заметно сжал челюсти.

— Сегодня мы начинаем новый день. День, которого никогда не было раньше и никогда не будет снова. Он дан вам. Дан вашим детям. Дан Эдему.

Пауза.

— Помните: каждый ваш вдох оплачен трудом тысяч людей, построивших этот город. Каждый ваш шаг освящён моей верой в вас. Я дал вам дом. Я дал вам покой. Я дал вам Свет.

Ещё пауза.

— Всё, о чём я прошу взамен, — будьте достойны.

Десять секунд тишины.

— Да пребудет с вами Свет.

Три удара колокола.

Потом короткий гимн.

Восемь тактов.

Без слов.

Когда музыка стихла, Анна открыла глаза.

— Умыться. Завтракать. Одеваться, — сказала она. — Ева, помоги Лие. Марк, учебники не забудь. Сегодня Основы Света первым уроком.

— Помню, — буркнул Марк.

Ему было десять.

Основы Света он ненавидел.

И ещё больше он ненавидел, когда мама делала вид, что всё нормально.

Завтрак в Эдеме был устроен так же, как и всё остальное.

По расписанию.

Продуктовые наборы выдавали раз в неделю. Размер зависел от состава семьи: взрослые, дети, старики, больные.

Сегодня на столе у Лариных стояли каша из полбяной крупы, молоко, хлеб с маслом и мёд.

Мёд считался привилегией.

Его выдавали семьям, где были дети младше четырнадцати лет.

Лия макала хлеб в молоко и смотрела в окно.

Город просыпался.

Центральная аллея тянулась на два километра. По обеим сторонам росли липы, привезённые из европейского питомника пятнадцать лет назад.

Дома были двух- и трёхэтажными.
Все построены по единому проекту.
Различались только цветом фасадов — настолько, чтобы город не казался совершенно одинаковым.

По дороге ехали первые велосипедисты.
Автомобилей почти не было.
Служебные машины.
Скорая помощь.
Фургоны доставки.
Личного транспорта жители не имели.
Равенство перед Пророком.
На перекрёстке стоял охранник.
Высокий мужчина в серой форме без знаков отличия.
Он улыбался прохожим.
Помогал старикам перейти улицу.
Выглядел совершенно мирно.
— Мама, — спросила Лия, — а почему у охранников нет имён?
Анна замерла.
— Есть.
— А почему мы их не знаем?
— Потому что они служат Пророку.
— А Пророк знает их имена?
— Конечно.
Лия подумала.
— А если я спрошу его самого?
— Не надо.
— Почему?
Анна посмотрела на дочь.
— Потому что так принято.
Это был ответ, которым она пользовалась всё чаще.
«Так принято».

И каждый раз ей становилось немного стыдно.

В школе Ева сидела у окна и почти не слышала Раису Павловну.
Учительница рассказывала о седьмой заповеди:
«Знание твоё принадлежит Эдему, ибо Эдем дал тебе учителей. Не ищи знания вне Света, ибо там — тьма».

За окном была Центральная аллея.
Садовник подстригал кусты.
По дорожке шла пожилая женщина.
Охранник на перекрёстке держал её под локоть, помогая перейти улицу.
Всё было спокойно.
Правильно.
Чисто.
И именно поэтому Еве вдруг стало не по себе.
Она не могла объяснить почему.
Но чистота вокруг показалась ей похожей на хирургический стол, вымытый до блеска.
На таком столе можно резать.
А крови никто не увидит.

— Ларина!
Ева вздрогнула.
— Повтори седьмую заповедь.
Она встала.
— «Знание твоё принадлежит Эдему, ибо Эдем дал тебе учителей. Не ищи знания вне Света, ибо там — тьма».
— Что означает последняя часть?
Ева замолчала.
Она знала правильный ответ.
Просто не хотела его произносить.
— Ларина?
— Это значит... — начала она. — Что всё, что нам нужно знать, уже сказал Пророк.
— А то, чего он не сказал?
Ева подняла глаза.
— Нам знать не нужно.
— Верно.
Раиса Павловна улыбнулась.
Но улыбка быстро исчезла.
Её взгляд задержался на девочке чуть дольше обычного.
После урока она сказала:
— Ева, останься.
Дети вышли.
Дверь закрылась.
Раиса Павловна подошла ближе.
— Ты помнишь наш разговор?
Ева кивнула.
— Ты обещала помочь отцу.
— Да.
— Помогаешь?
Ева почувствовала, как внутри всё сжалось.
— Я говорила с ним.
Это была ложь.
— И?
— Сказала, что Свет — главное. Что Пророк его любит. Что нужно быть благодарным.
— Что он ответил?
Ева опустила глаза.
— Сказал, что подумает.
Раиса Павловна несколько секунд смотрела на неё.
— Хорошо.
Она положила ладонь девочке на плечо.
— Но ты должна продолжать. Благодарность — как растение. Её нужно поливать.
Ева кивнула.
— Будешь поливать?
— Да.
— Молодец.
Учительница отпустила её.
Ева вышла в коридор.
Дети носились по коридору, смеялись, спорили.
Она почти ничего не слышала.

Она только что солгала.
Не Пророку.
Не Совету.
Учительнице.
И почему-то именно это пугало её сильнее всего.

В это время далеко за пределами Эдема в небольшой комнате без окон собрались четверо человек.

На столе лежала спутниковая фотография города.

Чистые кварталы.

Зелёные парки.

Центральная площадь.

Маленькая точка бронзовой статуи в самом центре.

— Новый Эдем, — сказал мужчина во главе стола. — Население — около двенадцати тысяч. Официально — автономное поселение с особым экономическим статусом. Фактически — закрытая теократическая система, управляемая Александром Воронцовым.

Его называли Заказчиком.

Настоящего имени никто из присутствующих не произносил.

Женщина напротив открыла папку.

— Внешние СМИ внутрь не допускаются. Интернет для жителей отключён. Мобильная связь работает только во внутренней сети. Въезд и выезд — по пропускам.

— Исчезновения?

— Пятнадцать подтверждённых случаев за последние три года. Ещё около сорока — неподтверждённые.

— Насилие?

— Прямых доказательств недостаточно.

Она перевернула страницу.

— Два года назад бывший сотрудник Корпуса Внутреннего Порядка сумел бежать. Он утверждал, что внутри существуют лагеря для несогласных и крематорий.

— Статью опубликовали?

— Да.

— И?

— Воронцов подал иск о клевете. Журналисты отступили. Свидетель исчез.

Мужчина за столом помолчал.

— Понятно.

Другой участник совещания — крепкий мужчина лет сорока пяти со шрамом над бровью — положил перед ним несколько распечаток.

— Я пытался войти в их внутреннюю сеть. Не получилось. Серверы защищены. Спутниковый канал контролируется. Для доступа нужен человек внутри.

Заказчик посмотрел на четвёртого.

Тот сидел в тени.

Среднего роста.

Худощавый.

Неприметное лицо.

Спокойные глаза.

— Гром.

— Слушаю.

— Что думаешь?

Гром посмотрел на фотографию Эдема.

— Закрытая система с культом личности и тотальным контролем. Извне её не взломать.

— Что тогда?

— Изнутри.

Заказчик кивнул.

— Готов?

— Да.

— Легенда?

Женщина достала папку.

— Три недели назад на третьей солнечной станции Эдема вышел из строя инвертор немецкого производства. Местные специалисты не справились. «Воронцов-Групп» ищет внешнего инженера.

Она передала ему документы.

— Германия. Опыт работы с автономными энергетическими системами. Документы настоящие. Контакты подтверждены.

Гром пролистал бумаги.

— Когда вылет?

— Послезавтра.

— Срок?

— Пока не установим связь с тобой. Главное — собрать доказательства.

Заказчик посмотрел ему прямо в глаза.

— И запомни: твоя задача — не арестовать Воронцова. Не устраивать восстание. Не становиться героем.

Гром кивнул.

— Твоя задача — собрать доказательства, которые невозможно будет уничтожить.

— Понял.

— Если попадёшься, мы не сможем тебя вытащить.

— Знаю.

— Тогда иди.

Гром поднялся.

Завтра — самолёт.

Послезавтра — Новый Эдем.

В полдень Михаил Ларин стоял у восточных ворот третьей солнечной станции.

Абрам Самуилович обещал устроить встречу.

«В обед. Восточный вход. Человек в серой куртке».

Больше Михаил ничего не знал.

Он делал вид, что проверяет кабель вдоль забора.

В двенадцать пятнадцать появился мужчина.

Молодой.

Худощавый.

С короткой бородой.

На лице — следы бессонных ночей.

Под серой курткой угадывалась форма Корпуса Внутреннего Порядка.

— Ларин?

— Я.

— Павел Велесов.

Михаил узнал фамилию.

Муж Ирины — его соседки.

Павел оглянулся.

— Абрам сказал, тебе нужен человек, который может выйти за периметр.
Михаил молча кивнул.

— Я сопровождаю грузы на внешний рынок. Следующий выезд через три дня.

— Сможете передать пакет?

Павел долго смотрел на него.

— Что в пакете?

— Документы. Копии протоколов Совета. Записи. Доказательства лагерей и крематория.

Павел закрыл глаза.

Через несколько секунд открыл.

— Ты понимаешь, что будет, если меня поймают?

— Да.

— Нет. Не понимаешь.

Он говорил тихо.

— Меня не будут судить. Не отправят в бараки. Просто вывезут за карьер.

Пауза.

— У меня жена. Двое детей.

— У меня тоже.

Павел посмотрел ему в глаза.

— Поэтому ты это делаешь?

— Именно поэтому.

Павел невесело усмехнулся.

— Хорошо.

Он оглянулся ещё раз.

— Никаких флешек. Только бумага. Всё спрячешь в технический журнал. Передашь
через Абрама.

— А вы?

— Больше ко мне не подходи.

— Почему согласились?

Павел посмотрел на город.

— Потому что я больше не могу спать.

Он сделал шаг назад.

— Я вижу, что здесь происходит.

Пауза.

— И я хочу перестать быть частью этого.

Он ушёл.

Михаил остался у забора.

Солнце било в затылок.

Механизм был запущен.

Оставалось надеяться, что он не раздавит их раньше, чем успеет остановиться.

В тот же вечер Ева вернулась домой с красными глазами.

Она не плакала.

Почти.

Но что-то в ней изменилось.

Анна заметила это сразу.

— Что случилось?

— Ничего.

— Ева.

— Всё нормально.

Дочь отвернулась.

Анна не стала настаивать.

На кухне Михаил сидел над бумагами.

Он быстро что-то переписывал от руки.

— Что ты делаешь? — спросила Анна.

— Готовлю пакет.

Она замерла.

— Для Павла?

— Да.

— Когда?

— Через три дня.

Анна села.

— А потом?

Михаил поднял глаза.

— Если документы выйдут за периметр, начнётся расследование.

— А если нет?

Он не ответил.

Анна закрыла лицо руками.

В этот момент в коридоре появилась Ева.

— Папа?

Михаил посмотрел на дочь.

— Что?

Она хотела что-то сказать.

Остановилась.

Перед глазами снова возникла Раиса Павловна.

«Ты должна помочь отцу».

Ева опустила глаза.

— Ничего.

Она ушла в свою комнату.

И впервые за всю жизнь подумала о том, что взрослые тоже могут бояться.

Через два дня над лесом появился вертолёт.

На борту «Воронцов-Групп» блестела эмблема компании.

Внутри сидел новый инженер.

Гром.

Он смотрел вниз, пока леса постепенно не сменились полями.

Потом появились дороги.

Асфальт.

Поля.

И наконец — стена Эдема.

Она не была похожа на тюрьму.

Никакого бетона.

Никакой колючей проволоки.

Живой кустарник высотой около пяти метров, аккуратно подстриженный, словно парковая изгородь.

Сверху город выглядел почти прекрасным.

Идеальные кварталы.

Парки.

Овальные водоёмы.

Аллеи, сходящиеся к центральной площади.
И бронзовая фигура человека с протянутой рукой.
Гром смотрел вниз.
Люди, построившие это место, не были глупцами.
Они понимали силу красоты.
Красивое успокаивает.
Красивому доверяют.
А красивую клетку труднее распознать.
Вертолёт пошёл на снижение.
Через несколько минут он коснулся бетонной площадки у восточных ворот.
Лопасты остановились.
Гром взял сумку и спрыгнул на землю.
Его уже ждали.
Офицер Корпуса Внутреннего Порядка.
И мужчина в штатском.
Высокий.
Сухой.
С цепким взглядом.
— Господин Гром?
— Да.
— Глеб Аджар. Глава Совета.
Они пожали руки.
— Добро пожаловать в Новый Эдем.
— Благодарю.
Аджар внимательно посмотрел на него.
— Мы получили ваше досье. Германия, Австрия, Нидерланды. Автономные энергетические системы. Сложные инверторы.
— Надеюсь, оправдаю доверие.
— Уверен.
Аджар сделал короткую паузу.
— Но сначала правила.
Офицер протянул планшет.
На экране была памятка для временно пребывающих.
Фото- и видеосъёмка запрещена.
Выход во внешнюю сеть запрещён.
Жилые кварталы — только с разрешения.
Политические и религиозные темы с жителями не обсуждать.
Нарушение правил — депортация или арест.
Гром прочитал.
— Строгие правила.
Аджар улыбнулся.
— Мы ценим безопасность.
— Разумеется.
— Внешние влияния могут нарушить привычный уклад жителей. Нам не нужны проблемы.
Гром подписал документ.
Аджар забрал планшет.
— Жить будете в гостевой квартире. Работать — на третьей солнечной станции. Завтра за вами зайдёт бригадир. Абрам Самуилович.

— Хорошо.
— И ещё.
Аджар сделал паузу.
— В девять вечера звучит Вечернее Обращение Пророка.
— Мне обязательно его слушать?
— Нет.
Улыбка стала чуть шире.
— Но я рекомендую.
Гром кивнул.
— Учту.
Он прошёл через ворота.
За спиной створки медленно закрылись.
Город встретил его тишиной.
Чистые улицы.
Подстриженные газоны.
Цветы, высаженные ровными рядами.
Люди в одинаково аккуратной одежде.
Дети, идущие парами.
Велосипедисты.
Улыбки.
Вежливые приветствия.
Внешне — идеальный город.
Но Гром смотрел не на улыбки.
Он смотрел на глаза.
Женщина улыбалась соседке, но постоянно оглядывалась.
Мужчина кивнул знакомому и тут же ускорил шаг.
Мальчик возле школы посмотрел на статую Пророка и сразу отвернулся.
Гром запоминал.
Перекрёстки.
Камеры.
Посты.
Маршруты патрулей.
Шлагбаумы.
Выходы.
Его учили этому давно:
в незнакомом месте первым делом ищи выход.
Легальный.
Нелегальный.
Любой.
Через несколько минут он понял главное.
Эдем не был городом за стеной.
Эдем был системой внутри стены.
И он только что вошёл внутрь.

—————

Ночью Михаил почти не спал.
Анна лежала рядом, время от времени вздрагивая во сне. Дети давно уснули.
В доме было тихо.
Слишком тихо.
И вдруг раздался стук.

Три удара.

Пауза.

Ещё два.

Михаил сел на кровати.

Он знал этот сигнал.

Павел Велесов.

Михаил осторожно встал, натянул брюки и вышел в прихожую. Анна не проснулась.

Он открыл дверь.

На пороге стоял Павел.

Без формы.

В гражданской куртке с капюшоном.

Лицо белое, губы дрожали.

— Всё, — прошептал он. — Они знают.

— Что знают?

— Про пакет. Про вывоз. Кто-то донёс.

Михаил почувствовал, как внутри всё похолодело.

— Откуда ты знаешь?

— Напарник предупредил. Видел мой файл в системе. Там пометка «Кас. Жёлтый».

— Что это значит?

— Подозрение.

Павел оглянулся через плечо.

— Завтра меня вызовут в Совет.

— Ты можешь уйти?

— Сейчас?

— Прямо сейчас. Через лес.

Павел покачал головой.

— Там собаки. Восточные ворота усилены. Не пройду.

— Тогда что ты хочешь?

Павел посмотрел на него.

В его глазах был страх человека, который уже понял: капкан захлопнулся.

— Ты должен закончить.

Он схватил Михаила за плечо.

— Пакет. Документы. Передай их кому-нибудь другому. Не мне. Найди другого курьера.

Или вывези сам.

— Павел...

— Обещай.

— Обещаю.

— Поклянись.

Михаил посмотрел ему в глаза.

— Клянусь. Детьми.

Павел отпустил его.

Постоял ещё секунду.

Потом развернулся и исчез в темноте.

Михаил закрыл дверь и прислонился лбом к холодному дереву.

План рухнул.

Но отступать было уже некуда.

Утро началось без голоса.

Михаил открыл глаза и сразу понял: что-то не так.

Динамик молчал.

На часах было 6:12.

Обычно за несколько минут до Обращения в доме уже слышался едва заметный фон.

Сегодня — ничего.

Мёртвая тишина.

Анна проснулась от того, что муж сел на кровати.

— Почему тихо?

— Не знаю.

Они сидели и ждали.

В Эдеме тишина никогда не была просто тишиной.

Если молчала система — значит, произошло что-то, что система не могла скрыть.

В 6:17 динамик ожил.

Но голос был незнакомым.

— Внимание, возлюбленные дети Эдема. Говорит Совет.

Пауза.

— Сегодня ночью была предпринята попытка нанести ущерб нашему городу. Некоторые из тех, кому мы доверяли, встали на путь предательства. Благодаря бдительности Корпуса Внутреннего Порядка угроза нейтрализована.

Анна посмотрела на Михаила.

— Предатели задержаны. Подробности будут сообщены на внеочередном городском собрании сегодня в полдень на Центральной площади. Явка всех жителей старше десяти лет обязательна.

Динамик щёлкнул.

Замолчал.

— Павел, — прошептала Анна.

Михаил кивнул.

— Его взяли?

— Не знаю.

— Но нас пока не тронули.

Михаил посмотрел на неё.

— Значит, он ничего не сказал.

В дверях появилась Ева.

Босая, в пижаме, с растрёпанными волосами.

Ей было двенадцать, но в это утро она выглядела старше.

— Папа, что случилось?

— Ничего, с чем мы не справимся.

— Кто предатели?

Михаил помолчал.

— Иногда людей называют предателями только потому, что они хотят жить по-своему.

Ева нахмурилась.

— А разве это предательство?

— Нет.

Михаил посмотрел дочери прямо в глаза.

— Это свобода.

Слово повисло в комнате.

Ева повторила его про себя.

Свобода.

Она ещё не знала, что именно оно означает.

Но почему-то сразу почувствовала: это слово опаснее всех тех, которые ей разрешали произносить в школе.

В восемь утра Михаил вышел из дома.

Он направился к Абраму Самуиловичу.

Нужно было узнать, что с Павлом.

И что произошло с пакетом.

Улицы были непривычно пусты.

Обычно в это время Эдем уже жил своей размеренной жизнью: велосипедисты, школьники, рабочие.

Сегодня на перекрестках стояли патрули.

По двое.

Без улыбок.

Охранники провожали каждого прохожего внимательным взглядом.

У некоторых на поясе были видны дубинки.

Город словно затаил дыхание.

У дома Абрама Михаил увидел Ирину Велесову.

Жена Павла стояла у крыльца, закутавшись в платок.

Глаза у неё были красными.

— Ирина...

Она посмотрела на него.

— Ты знал?

— О чём?

— О Паше.

Михаил ничего не ответил.

— Его забрали в четыре утра, — сказала она. — При детях.

Она сглотнула.

— На него надели наручники. Он только посмотрел на меня и сказал: «Я люблю тебя».

Ирина вытерла глаза.

— Потом его увезли.

— Куда?

— В административный блок. На допрос.

Она вдруг посмотрела на Михаила совсем иначе.

— Ты ведь знаешь, за что?

— Ирина...

— Не говори.

Она подняла ладонь.

— Не хочу знать.

Пауза.

— У меня дети. Я не хочу знать.

Она развернулась и почти побежала прочь.

Михаил смотрел ей вслед.

Внутри было пусто.

Не страх.

Не гнев.

Пустота.

Та, которая приходит, когда случается именно то, чего ты боялся.

Абрам открыл дверь почти сразу.

Будто ждал его.
— Заходи.
На кухне кипел чайник.
Обычно бригадир сразу ставил перед гостем чашку.
Сегодня не предложил.
— Павла взяли, — сказал он.
Михаил кивнул.
— Я знаю.
— Его сдал напарник.
— Тот, что предупредил?
Абрам кивнул.
— Это была ловушка. Они проверяли, как Павел отреагирует. Он побежал к тебе.
Михаил похолодел.
— Они видели его у моего дома?
— Да.
— Тогда почему меня ещё не взяли?
Абрам посмотрел на него.
— Потому что ты им нужен.
— Для чего?
— Они знают, что Павел был курьером. Но не знают, что именно он должен был вывезти.
Он сделал паузу.
— И не знают, кто ещё с вами связан.
Михаил молчал.
— Поэтому они ждут, — продолжил Абрам. — Смотрят, с кем ты встретишься. Куда пойдёшь. Что передашь.
— Пакет у меня.
Абрам резко поднял глаза.
— Где?
— В тайнике.
— На складе?
Михаил кивнул.
— Не ходи туда.
— Почему?
— Потому что, возможно, они уже знают.
Михаил сжал кулаки.
— Павел под допросом.
— Он выдержит.
— Откуда ты знаешь?
Абрам посмотрел на него.
— У него жена и дети. Пока он молчит, они живы.
Михаил опустил голову.
Логика была страшной.
Но железной.
— Что нам делать?
— Ждать полудня.
Абрам посмотрел на часы.
— На площади станет ясно, жив ли Павел.
— А потом?
— Потом искать новый канал.

— Какой?

Абрам покачал головой.

— Пока не знаю.

Они замолчали.

За окном прошёл патруль.

Михаил смотрел на него до тех пор, пока машина не скрылась за поворотом.

И тогда понял:

если Павел выбыл, ждать больше нельзя.

Придётся действовать самому.

В двенадцать часов Центральная площадь заполнилась людьми.

Двенадцать тысяч жителей стояли перед статуей Пророка.

Дети.

Взрослые.

Старики.

Все в чистой, праздничной одежде.

Так требовал устав.

Только праздник здесь никто не чувствовал.

Семья Лариных стояла в пятом ряду.

Михаил держал Лию за руку.

Анна стояла рядом.

Ева и Марк — чуть позади.

На трибуне находились члены Совета.

Шесть человек в чёрных костюмах.

В центре — Глеб Аджар.

Рядом — начальник Корпуса Внутреннего Порядка Сабуров.

Михаил видел его раньше лишь издалека.

Теперь увидел хорошо.

Спокойное лицо.

Ни тени тревоги.

Человек, который привык спать после того, что делает.

Аджар поднял руку.

Площадь затихла.

— Возлюбленные дети Эдема.

Голос разнёсся над толпой.

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы свидетельствовать о Свете и о тех, кто попытался его погасить.

Пауза.

— Ночью Корпус Внутреннего Порядка предотвратил заговор.

В толпе прошёл гул.

— Группа людей, притворявшихся благодарными жителями, готовила передачу клеветнической информации за пределы Эдема. Они хотели опорочить имя Пророка. Они хотели разрушить наш дом.

Кто-то выкрикнул:

— Позор!

Аджар продолжил:

— Предатели задержаны.

Михаил почувствовал, как у него пересохло во рту.

— Один из них — бывший сотрудник Корпуса Внутреннего Порядка. Человек, которому мы доверяли безопасность нашего города.

Пауза.

— Он признался.

Анна едва заметно качнула головой.

Михаил смотрел на трибуну.

Павел не признался.

Он не мог.

— Второй предатель — бывший инженер, работавший на стратегическом объекте Эдема.

Михаил почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

Инженер?

Кого они взяли?

Он перебрал в памяти лица коллег.

Но Аджар имени не назвал.

— Оба преступника будут наказаны по законам Эдема.

Пауза.

— Их семьи будут переселены во внешние бараки. Дети будут переданы в приют Совета.

В толпе кто-то закричал:

— Слава Пророку!

Ещё один голос.

Потом десятки.

Через минуту площадь скандировала:

— Сла-ва! Сла-ва! Сла-ва!

Михаил смотрел на детей.

Лия ничего не понимала.

Марк смотрел в землю.

Ева — на трибуну.

Аджар поднял руку.

Толпа снова замолчала.

— Но это ещё не всё.

Его взгляд медленно прошёл по площади.

— Мы знаем, что здесь остались те, кто сочувствует предателям.

Пауза.

— Те, кто сомневается.

Ещё одна.

— Те, кто думает, что может спрятать неблагодарность в своём сердце.

Аджар улыбнулся.

— Одумайтесь. Придите в Совет. Признайтесь добровольно. И Пророк простит вас.

Улыбка исчезла.

— Но если будете молчать...

Он сделал паузу.

— Мы найдём вас.

Площадь молчала.

— Мы найдём каждого.

Собрание закончилось.

Дома Михаил закрыл дверь.

Анна ещё не успела снять пальто.

— Он лжёт, — сказал Михаил.

— О чём?
— Павел не признавался.
Анна посмотрела на него.
— Откуда ты знаешь?
— Если бы признался, его имя уже прозвучало бы.
— Может быть, они специально его скрывают.
— Тогда почему назвали второго?
Анна задумалась.
— Чтобы запугать остальных.
Михаил медленно кивнул.
— Возможно.
Он посмотрел на детей.
Лия ушла в свою комнату.
Марк стоял у окна.
Ева слушала.
— Но если второго действительно нет...
Он посмотрел на жену.
— Значит, они говорят обо мне.
Анна побледнела.
— Миша...
— Я не сдамся.
— Что ты хочешь сделать?
Михаил посмотрел ей в глаза.
— Довести дело до конца.

В это же время на другом конце города новый инженер осматривал третью солнечную станцию.

Гром.
Абрам Самуилович показывал ему оборудование, распределительные щиты и инверторы.
Гром слушал внимательно.
Задавал точные вопросы.
Делал пометки.
Выглядел как обычный специалист.
На самом деле он считал.
Камеры.
Посты.
Маршруты патрулей.
Количество сотрудников.
Точки входа.
Точки выхода.
Доступ к техническим помещениям.
Документооборот.
Связи.

— А это наш старший инженер, — сказал Абрам, проходя мимо распределительного щита. — Михаил Ларин.

Гром остановился.
— Ларин?
— Хороший специалист.
Абрам помолчал.

— Сейчас в отпуске. Семейные обстоятельства.
Гром кивнул.
— Понятно.
Больше он ничего не спросил.
Но фамилию запомнил.
Ларин.
Тот самый человек из досье.
«Интересующийся».
Теперь нужно было выяснить, что с ним произошло.

Вечером Гром вернулся в гостевую квартиру.
На столе лежала карта Эдема.
Официальная.
Чистая.
Без внешних барачков.
Без крематория.
Без постов слежения.
Он разложил её.
На восточной окраине карта обрывалась ровной линией.
«Санитарная зона. Доступ запрещён».
Гром достал другую карту — спутниковую.
Там, за старым карьером, находилось небольшое здание без окон.
Дополнительный забор.
Посты.
Крематорий.
Он открыл блокнот.
Начал писать.
Не шифром.
Обычным текстом.
На голландском.
Язык, который он использовал в работе под прикрытием много лет назад.
«День первый.
Образцовое поселение. Чистота. Полный контроль.
Култ Пророка подтверждён.
Утренние и вечерние Обращения.
Дети изучают Заповеди Благодарности.
Ларин предположительно находится в городе. На работе отсутствует.
Аджар — глава Совета. Рационален. Опасен.
Крематорий — местоположение предположительно установлено.
Необходим визуальный доступ.
План: выйти на Ларина через бригадира.
Вывод: система устойчива, но внутри есть напряжение.
Значит, сопротивление существует».
Гром закрыл блокнот.
Погасил свет.
Лёг.

За стеной включился динамик.

Женский голос пожелал жителям спокойной ночи и напомнил, что завтра их ждёт ещё один день, подаренный Пророком.

Гром смотрел в потолок.
Он думал о двенадцати тысячах людей.
Сколько из них верят?
Сколько боятся?
Сколько уже готовы сказать правду?
А сколько просто хотят, чтобы их оставили в покое?
Где-то далеко залаяла собака.
Потом вторая.
Потом третья.
Звук пришёл с восточной окраины.
От старого карьера.
Гром закрыл глаза.
Значит, там действительно что-то есть.

В ту же ночь Павел Велесов лежал на жёсткой койке административного блока.
Допрос продолжался шесть часов.
Сначала кричали.
Потом били.
Потом обещали отпустить.
Потом обещали пощадить семью.
Он молчал.
Не потому, что считал себя героем.
Потому что понимал простую вещь:
если заговорит — погибнет не только он.
Под утро дверь камеры открылась.
Вошёл Сабуров.
Поставил табурет.
Сел напротив.
Закурил.
— Упрямый ты человек, Велесов.
Павел молчал.
— Уважаю.
Сабуров сделал затяжку.
— Но упрямство тебя не спасёт.
Пауза.
— Ты знаешь, где находится крематорий?
Павел не ответил.
— Там сейчас горячо.
Сабуров усмехнулся.
— Очень горячо.
Павел закрыл глаза.
— Хочешь посмотреть?
Молчание.
Сабуров встал.
— Я дам тебе ещё день.
Он направился к двери.
— Подумай о жене. О детях. О себе.
У двери остановился.
— А завтра, если ты не заговоришь, отправишься туда сам.

Он посмотрел на Павла.
— Не как работник.
Пауза.
— Как топливо.
Дверь захлопнулась.
Павел остался один.
Он сидел неподвижно ещё несколько секунд.
Потом лёг на койку и впервые за всё время заплакал.
Тихо.
Без всхлипов.
Уткнувшись лицом в жёсткую подушку.
Он не боялся смерти.
Он боялся другого.
Что не увидит, как вырастут его дети.
Как постареет его жена.
Как кто-нибудь когда-нибудь узнает, что произошло в Новом Эдеме.
Но пока он молчал — шанс оставался.
Маленький.
Почти невидимый.
Но оставался.
И именно поэтому он продолжал молчать.

А в нескольких километрах от административного блока человек по имени Гром лежал в своей гостевой квартире и думал о Ларине.

Человек из досье.
Инженер.
«Интересующийся».
Человек, который мог стать первым звеном.
Или первой ловушкой.
Гром ещё не знал, что утром их пути пересекутся.
Он не знал и другого.
В этот самый момент за ним уже наблюдали.
И Эдем начинал закрываться вокруг него.

ГЛАВА 2. ТЕНЬ ЗА ФАСАДОМ

Через три дня после ареста Павла Велесова в Новом Эдеме восстановился привычный ритм жизни.

Утренние Обращения звучали, как прежде. В полдень звонили колокола. Дети отправлялись в школу, взрослые — на работу. На перекрёстках снова появились улыбающиеся патрульные, а улицы выглядели так же чисто и спокойно, как всегда.

Город делал вид, что ничего не произошло.

И все играли в эту игру.

За завтраком семья Лариных почти не разговаривала. Анна разливала чай по кружкам, Михаил просматривал рабочий журнал, Ева машинально водила ложкой по каше, не чувствуя вкуса. Марк сидел над учебником, но давно уже не читал: взгляд его застыл на одной странице.

Только маленькая Лия, ещё не понимавшая до конца, что такое страх, беззаботно болтала ногами под столом и тихонько напевала гимн Эдема.

— Перестань, — сказала Ева.

Лия удивлённо посмотрела на сестру.

— Что?

— Не пой эту песню.

— Почему? Это же гимн. Все поют.

— Я сказала: перестань.

Лия надула губы. Анна бросила на старшую дочь предостерегающий взгляд, и Ева сразу опустила глаза.

После завтрака Михаил отправился на станцию. Это был его первый рабочий день после короткого отпуска, который на самом деле оказался вовсе не отпуском. Всё это время он пытался понять, что делать дальше и как сохранить семью.

По Центральной аллее он шёл с привычным выражением лица, стараясь не смотреть по сторонам. Однако ощущение чужого взгляда не покидало его.

Это не было паранойей.

Он слишком хорошо знал Эдем, чтобы не замечать перемен. Охранники на перекрёстках провожали его взглядом чуть дольше, чем остальных прохожих. В их лицах появилось что-то новое — не откровенное подозрение, а скорее уверенность человека, которому уже что-то известно.

Они знали?

Или только думали, что знали?

А может быть, просто ждали приказа.

На проходной станции Михаила встретил Абрам Самуилович. Вид у бригадира был встревоженный, но собранный.

— Ларин, зайди в щитовую. Надо обсудить график профилактики.

Михаил понял сразу.

«Щитовая» означала безопасное место. «График профилактики» — срочный разговор.

В тесной комнате, заставленной распределительными коробками, пахло нагретым металлом и старой изоляцией. Абрам Самуилович запер дверь на щеколду, включил вентилятор, создавая шумовой фон, и только после этого повернулся к Михаилу.

— Новости плохие, — сказал он без предисловий. — Павел пока держится. Но его перевели в восточную зону. Это значит, что крайняя мера близка.

— Откуда вы знаете?

— У меня есть человек в охране. Не спрашивай кто. Вчера он сообщил, что Сабуров лично подписал ордер на этапирование. У Павла осталось двое суток. Может, трое. Потом — крематорий.

Михаил сжал кулаки.

— А его семья?

— Жена во внешнем секторе, дети в приюте. Пока их не трогают. Ждут, чем закончится дело Павла. Если он заговорит — их уберут. Если умрёт молча — возможно, оставят в покое.

Абрам помолчал.

— Возможно.

— Что значит «возможно»?

Старик посмотрел на него.

— Это значит, Миша, что в этой системе нет гарантий. Нет правил, которые нельзя отменить. Есть только воля Пророка. А воля Пророка — это воля Аджара, Сабурова и ещё нескольких людей, которые никогда не показываются на публике.

Михаил несколько секунд молчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.